

СЕКЦИЯ 7

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЯЗЫКОЗНАНИЯ.

ВОСТОЧНОСЛАВЯНСКИЕ ЯЗЫКИ В ЕВРОПЕЙСКОМ ЛИНГВОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ

УДК 811.161.1'271.2

НОРМЫ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА: КРИТЕРИИ И ДИНАМИКА ИЗМЕНЕНИЙ

Болтовская Елена Александровна
старший научный сотрудник научно-исследовательского
сектора учреждения образования «Могилёвский
государственный университет имени А. А. Кулешова»,
кандидат филологических наук, доцент
(г. Могилёв, Республика Беларусь)

В статье рассматриваются хронологические границы современного литературного языка; характеризуются различные критерии признания того или иного языкового явления нормативным; подчеркивается важность понимания нормы, имеющей синхронический и диахронический диапазон, как динамического, отражающего потребности общества феномена.

Литературная норма является одним из ключевых условий устойчивости и единства национального языка. Для обеспечения стабильности литературного языка, для комфортной коммуникации нескольких поколений учёные-кодификаторы осознанно могут опираться на образцы, удалённые во времени от современности. Однако возникает вопрос о том, с какого момента можно говорить о появлении в русском языке нормы, основанной на текстах, общепризнанных образцовыми. В. В. Виноградов считал, что к 30–40-м годам XIX в. ядро литературного языка уже сформировалось и русский язык стал языком литературы и культуры мирового значения. Однако прежняя формулировка, касающаяся современного литературного языка («от Пушкина до наших дней»), оказывается недостаточной для процесса нормализации, так как за это время (почти два столетия) нормы претерпели значительные изменения. Исследователи пишут о том, что особо интенсивной трансформации подвергся русский язык новейшего периода, начавшегося с конца 80-х гг. XX в. (после объявления в 1985 г. курса на «перестройку» советского общества). Развитие русского языка в этот (ныне продолжающийся) период характеризуется следующими тенденциями: 1) массовое вторжение иностранных слов, которые склонны вытеснять обрусевшую давно заимствованную или исконно русскую лексику (напр., *имидж*, *лук* вместо *образ*; *деловой имидж*, *стильный женский лук*; *ремонт* вместо *починка*; *паритет* вместо *равенство*, *легитимный* вместо *законный*); 2) сужение функций русского языка (особенно в сфере официально-делового общения); 3) размывание границ между кодифицированным литературным языком и нелитературными формами существования языка (жаргонами, просторечием); 4) разрушение триединой стилистической системы (включающей в себя высокий, средний, низкий стиль), которое проявляется в исчезновении высокого стиля и перемещении низкого (вульгарного) стиля на место среднего; 5) разрушение сложной синонимической системы и общее стилистическое снижение (огрубление) русской речи как последствия утраты высокого стиля; 6) смена источников формирования норм (прежде – художественная литература, теперь – язык массмедиа); 7) массовые отступления от норм литературного языка, резкое снижение уровня культуры речи в целом и культуры публичной речи в частности; 8) нарастающая вариантность языковых знаков [см. 4, с. 23–25].

В определении хронологических границ современного языка можно опираться на мнение о том, что современным языком можно считать язык нескольких живущих поколений. Другой подход сводит «современность» к языковым изменениям по-

следних 10–15 лет. Более справедливой, на наш взгляд, является точка зрения, согласно которой хронологические рамки «современности» варьируются в зависимости от уровня языка. Изменения в фонетике, морфологии и синтаксисе последних десятилетий трудно сравнивать со значительными сдвигами в лексике, которая быстрее всего подвергается воздействию экстралингвистических факторов.

Специфика норм в целом проистекает из наличия переходных явлений между нормативными и ненормативными явлениями. В результате нормализаторы понятие «норма» дополнили такими понятиями, как «отклонение от нормы», «колебание нормы» (например, «равноправные варианты» и «равноправные нормы»). В. Г. Костомаров описывает процесс смены нормы так: *норма – явная ошибка – распространённая (всё более терпимая) ошибка – равноправная вариантность – смена нормы*. По словам учёного, «торжество ошибки неизбежно влечёт за собой скачок в нормализации. Укрепляясь как вариант, бывшая ошибка начинает бороться с ранее принятым, которое само становится нежелательным, архаичным вариантом или забывается. В отличие от лексики, видящей в параллелях обогащение, стремящаяся к чёткости в своих пределах морфология плохо терпит даже убедительную дифференциацию параллелей, что, конечно, не оправдывает пренебрежения теми, которые сложились, а теперь перестают различаться» [5, с. 69].

Понятие динамики (динамичности, объёмности) нормы двупланово: с одной стороны, оно включает в себя наличие определённого синхронического («горизонтального») диапазона нормы, т. е. фиксацию либо равноправных, либо маркированных в функционально-стилевом плане вариантов в составе нормы, а с другой – наличие определённого диахронического («вертикального») диапазона нормы, т. е. фиксацию бывших традиционными устаревающих или устаревших и новых вариантов, приходящих на смену старым. Языковые изменения формируются и накапливаются в речи, что делает её источником изменений нормы. Различные языковые изменения могут вызывать колебания в ранее установленных нормах (столкновение, конкуренцию вариантов), при этом устаревшие варианты могут уступить место новым, и в дальнейшем происходит закрепление более употребляемых вариантов (так, например, произошло в случае с *арьергарда* (устар.) и *арьергард*, *жилета* (устар.) и *жилет*, *завес* (устар.) и *завеса*, *канистр* (устар.) и *канистра*). Периоды таких колебаний могут длиться от нескольких десятилетий до нескольких столетий, и в это время варианты могут считаться равноправными или стилистически дифференцированными (так называемая диспозитивная норма, допускающая наличие вариантов). Примером конкуренции, длящейся не одно столетие, могут служить варианты формы именительного падежа множественного числа с флексиями *-ы/-и* и *-а/-я* у существительных мужского рода [см. об этом 2, с. 103–104]. Так, появившийся в XV в. вариант с новой флексией *-а/-я* стал единственно возможным для некоторых существительных (*берег* – *берега*, *дом* – *дома*, *лес* – *леса*). В других словах нормативным признаётся только вариант на *-ы/-и* (*ковёр* – *ковры*, *стол* – *столы*, *нож* – *ножи*). Указанные флексии могут нести нагрузку семантической дифференциации слов: например, *образы* (в художественной литературе) и *образа* (иконы), *лагери* (общественно-политические группировки) и *лагеря* (стоянки, временные поселения). Колебания в форме именительного падежа множественного числа имеются у более чем 300 слов [3, с. 160–167]: например, *неводы* – *невода*, *прожекторы* – *прожектора*, *пекари* – *пекаря*.

Что касается формы единственного числа, имена существительные мужского рода могут иметь вариантные окончания *-а/-я* и *-у/-ю* в родительном падеже, *-е* и *-у* в предложном падеже: *пачка сахара – пачка сахару, стакан чая – стакан чаю, на луге – на лугу, в цехе – в цеху*. Исследователи отмечают имеющее разную степень интенсивности вытеснение форм на *-у* из конструкций с родительным падежом в партитивном значении. Варианты с флексией *-у* сохраняются в фразеологических сочетаниях (*не подать виду, не хватает духу, нашего полку прибыло* и др.) и в уменьшительных формах (*кваску, кофейку*) [3, с. 169–171]. Обычно флексия *-е* считается нейтральной или книжной в предложном падеже, в то время как *-у* – разговорной [3, с. 193–195]. При этом окончание *-у* является нормативным в ряде устойчивых выражений и фразеологических оборотов, таких как *быть на хорошем счету, ни в одном глазу* и т. д. Кроме того, выбор флексии может зависеть от наличия в конструкции определения, как в случаях *стоять на ветру – продрогнуть на сквозном ветре, лежать на краю – находиться на переднем крае*. Свободное варьирование окончаний *-е* и *-у* в предложном падеже допускают немногие слова (напр., *бал, спирт, стог, хлев*), здесь также отмечается тенденция к уменьшению круга слов, принимающих окончание *-у*.

Хотя в ортологии подходы к нормативности варьируются, до сих пор продолжается дискуссия о том, какой критерий следует считать главенствующим [см. об этом в 1]. Одним из ведущих считается критерий общепринятости, регулярной употребляемости, воспроизводимости языкового факта в узусе. И всё же его рекомендуют не абсолютизировать, так как и ошибка может часто повторяться, однако вследствие этого она не становится однозначно новой нормой. Критерий узуса тесно связан с понятием авторитетности (престижности) источника. Однако и этот критерий не является абсолютным, поскольку, например, в художественной литературе, в определённых публицистических жанрах автор может использовать заведомо ненормативные языковые единицы ради достижения определённого стилистического эффекта. Следующий критерий – общественное одобрение (или общественный вкус) – основывается на восприятии и оценке языковых явлений самими носителями языка. Этот критерий близок к критерию употребительности: положительная оценка того или иного варианта проявляется прежде всего в его активном использовании в речи. Однако одно и то же явление может вызывать совершенно разные оценки среди говорящих.

Таким образом, в сложном и динамичном процессе нормализации языка необходимо принимать во внимание актуальные тенденции его развития (особенно те, которые обычно воспринимаются негативно). Также важен учёт различных критериев, предназначенных для оценки нормативности вариантов. Хотя ранее упомянутые критерии, даже вместе взятые, не всегда приводят к логически обоснованному решению о нормативности того или иного языкового явления, тем не менее вариант, признанный нормативным, должен поддерживаться широким сообществом носителей литературного языка.

Список использованной литературы

1. Болтовская, Е. А. К вопросу о критериях литературной нормы / Е. А. Болтовская // Восточнославянские языки и литературы в европейском контексте – VIII : сб. науч. ст. ; под ред. Е. Е. Иванова. – Могилёв : МГУ имени А. А. Кулешова, 2024. – С. 9–13.
2. Болтовская, Е. А. Морфологические нормы в аспекте культуры речи / Е. А. Болтовская // Беларуская думка. – 2024. – № 10. – С. 100–104.
3. Граудина, Л. К. Словарь грамматических вариантов русского языка / Л. К. Граудина, В. А. Ицкович, Л. П. Катлинская. – 3-е изд., стер. – М. : Астрель : АСТ, 2008. – 555, [5] с.
4. Загоровская, О. В. Русский язык в начале III тысячелетия: состояние и перспективы развития / О. В. Загоровская // Русский язык на рубеже XX–XXI веков: исследования по социолингвистике и лингвокультурологии. – Воронеж : Изд-во «Научная книга», 2013. – С. 23–34.
5. Костомаров, В. Г. Язык текущего момента: понятие правильности / В. Г. Костомаров. – СПб. : Златоуст, 2014. – 220 с.